

ГВАРДИНИ (Guardini) Романо (1885—1968) — немецкий католический философ и теолог итальянского происхождения. Изучал политические и естественные науки в Берлине, Мюнхене, Тюбингене, философию и теологию — во Фрейбурге и Тюбингене. Католический священник (с 1910), магистр теологии (1915), приват-доцент в Бонне (1921), ординарный профессор философии религии и католического мировоззрения в Берлине (1923).

Отстранен от преподавания и лишен звания профессора нацистами в 1939. Вернулся в университетские аудитории в 1945. Профессор в Тюбингене (1946) и в Мюнхене (1949).

Основные философско-теологические сочинения: «О духе литургии» (1917, в течении пяти лет переиздавалась 12 раз), «Противоположность. Опыт философии жизненно-конкретного» (1925), «Киркегоровская идея абсолютных парадоксов» (1929), «Человек и мысль».

Исследование религиозной экзистенции в великих романах Достоевского» (1932), «Христианское сознание. Исследование о Паскале» (1935), «Ангел в «Божественной комедии» Данте» (1937), «Мир и лицо» (1939), «К истолкованию «существования» у Райнера Мариа Рильке» (1941), «Форма и содержание пейзажа в поэтическом творчестве Гельдерлина» (1946), «Свобода, милость, судьба» (1948), «Конец нового времени» (1950), «Власть» (1951), «Забота о человеке» (1962), «О Гете, о Фоме Аквинском и о классическом духе» (1969) и др. Основания миропредставления Г. являли собой религиозную версию философии экзистенциализма и персонализма. Г., вслед за Дильтеем, Зиммелем и Шелером, отвергал позитивизм и абстрактный рационализм, усматривая смысл философствования в постижении «конкретно-живого» (целостности, порожденной «нераздельными» и «неслиянными» моментами) в существовании людей. Познание, по Г., есть «конкретно-жизненное отношение» конкретного человека к конкретному предмету. Следуя парадигме Николая Кузанского и развивая ее, Г. постулировал универсальный статус идеи и явления противоположности в рамках повседневной жизни людей (на анатомо-физиологическом, эмоциональном, интеллектуальном и волевом уровнях). Противоположность, по Г., — род «явленности», действительная и созидательная основа жизни. Г. вычленяет три главных группы противоположностей: интраэмпирические (акт и строй или динамика и статика, форма и полнота, целое и жизненно особенное); трансэмпирические (творческий акт и порядок или производство и расположение, изначальность и правило, овнутрение и выхождение из себя или имманенция и трансценденция); трансцендентальные (родство и обособленность, членение и связность).

Все эти элементы, по мысли Г., стремятся и способны в известном смысле — и в бесконечном числе вариантов — взаимозависеть, что продуцирует имманентные напряжения всей системы. Диады противоположностей, согласно Г., образуют «энантиологические ряды» — или первичную структурную противоположность — последняя охватывает все, подлежащее осмыслению.

Это и является предметом «энантиологической социологии». Процессы постижения мира Г. трактует как «конкретно-жизненное отношение» конкретного человека к конкретному предмету или явлению: интуиция и рациональное познание оказываются таким образом взаимообусловленными, не встречаясь в чистом виде. Анализируя в контексте «внутренней саморазорванности»; античеловеческий характер и планетосоразмерный масштаб мировых войн 20 в., Г., в частности, стремился изыскать ответы на вопрос о сути культуры людей, ее моральной и жизненной ценности. По убеждению Г., традиционная гуманистическая культура Европы, основанная на возрожденческом провозглашении высшей ценностью оригинальности человека, на тезисе о «гениальности в индивидуальности»; романтизма, умирает: в мире «невозможны боги» и «господствует техника». Человек теряет собственное положение смыслового центра мироздания.

По мнению Г., «наука больше не должна заботиться о ценностях, ее дело — исследовать, независимо от того, что из этого выйдет; искусство существует только для самого себя, и его действие на человека его не касается; сооружения техники — это произведения сверхчеловека и имеют самостоятельное право на существование; политика осуществляет власть государства, и ей нет дела ни до достоинства, ни до счастья человека...». Техника, попавшая в распоряжение государственной машины власти, согласно Г., поработочает в первую очередь людей; современные технические системы в условиях индустриальной цивилизации не допускают автономного существования саморазвивающейся творческой личности; злоупотребления властью в итоге становятся не столько вероятными и возможными, сколько неизбежными. Г., тем не менее, усматривает потенциальные возможности противодействия людей такому ходу событий: отказываясь от свободы индивидуального саморазвития и творчества, человек призван «всецело сосредоточиться на своем внутреннем ядре и попытаться спасти самое существенное. Едва ли случайно слово «личность»; постепенно выходит из употребления, и на его место заступает «лицо» (Person).

Это слово имеет почти стоический характер. Оно указывает не на развитие, а на определение, ограничение, не на нечто богатое и необычайное, а на нечто скромное и простое, что, тем не менее, может быть сохранено и развито в каждом человеческом индивиде. На ту единственность и неповторимость, которая происходит не от особого предрасположения и благоприятных обстоятельств, но от того, что этот человек призван Богом; утверждать такую единственность и отстаивать ее — не прихоть и не

привилегия, а верность кардинальному человеческому долгу...

Каждый, будучи однажды поставлен Богом в самом себе, не может быть ни замещен, ни подменен, ни вытеснен". Совокупность именно таких людей, с точки зрения Г., конституируют совершенно нетрадиционную для европейской социальности общность: "...масса... не есть проявление упадка и разложения... это историческая форма человека, которая может полностью раскрыться как в бытии, так и в творчестве, однако раскрытие ее должно определяться не мерками нового времени, а критериями, отвечающими ее собственной сущности... Такой человек не устремляет свою волю на то, чтобы хранить самобытность и прожить жизнь по-своему... Он принимает и предметы обихода и формы жизни такими, какими их навязывает ему рациональное планирование и нормированная машинная продукция, и делает это, как правило, с чувством того, что это правильно и разумно". Благоговейно воспринимая бытие, человек, согласно Г., должен учиться видеть и созерцать мир, как бы даже "не желая" его. По мнению Г., таким даром владели благороднейшие мыслители — в частности, святой Фома и Гете: "Во взгляде Гете и Фомы есть благоговение, оставляющее вещи такими, каковы они есть в себе. Это — взгляд ребенка, доверенный взрослому... Он видит великое и малое, благородное и низкое, видит, как сплетены друг с другом жизнь и смерть...".

А.А. Грицанов